

Глава 71

Малыш был совсем ещё крохой — доверчивым и простодушным. Поначалу он упрямо молчал, но стоило Фан Цзычэню мягко спросить: «Отец очень хочет знать правду, неужели наш Гуай-цзай не расскажет ему?», как сын сдался.

Он робко покосился на Чжао-гэра и снова уткнулся взглядом в землю.

— За это... дадут селеблишко.

Чжао-гэр застыл, поражённый этим ответом.

Все дети мечтают об игрушках или сладостях, поэтому отец логично предположил:

— Тебе нужны деньги на карманные расходы?

Мальчик до сих пор не понимал, в чём именно провинился, но на вопрос честно ответил:

— Угу! Хотел заляботать селеблишко для отца.

Его мысли путались, а логика трёхлетнего ребёнка была ещё слишком хрупкой, поэтому он просто выпаливал всё, что приходило в голову:

— Отцу нужно учиться, нужно много селеблишка. Папа очень тяжело работает, он устаёт... Гуай-цзай хотел заляботать много-много, чтобы отцу не надо было работать. Чтобы он был с Гуай-цзаем и папой. Чтобы отец хорошо учился... Гуай-цзай хотел быть полезным малышом.

Фан Цзычэнь на мгновение лишился дара речи.

В своей прошлой жизни, листая ленту новостей в смартфоне, он мог узнать о событиях в самых далёких уголках мира. Как-то ему попался пост об одиноком старике из деревни, который умер в своём доме, и тело его обнаружили только спустя полмесяца, когда соседи почувствовали запах. Тогда сына этого человека вычислили в сети и подвергли жесточайшей травле.

Но один из комментаторов тогда написал горькую правду: одинокие старики и брошенные дети — это привычная картина для современных деревень.

«Разве все дети, уезжающие в города, — бессердечные твари, не желающие заботиться о родителях? Разве родители, оставляющие детей на воспитание родственникам, — люди с каменными сердцами, которые не любят своих крох?»

Старики немощны, и оставлять их одних опасно. Дети тоскуют по родителям. Но и те, кто скитается на чужбине в поисках заработка, каждую минуту беспокоятся о тех, кто остался дома.

«Разве кто-то по доброй воле оставит близких?»

«Кто захочет покинуть родной край?»»

Всё это ради денег. Просто ради того, чтобы выжить.

С тех пор как юноша начал работать в городе, он уходил на рассвете и возвращался затемно. Времени на общение с сыном почти не оставалось. Гуай-цзаю было всего три года — возраст, когда полагается быть беззаботным поросёнком, знающим лишь сон да еду, но этот ребёнок оказался не по годам сознательным. От такой детской мудрости в груди Цзычэня разливалась щемящая горечь.

В те годы, когда сыну больше всего нужно было его присутствие, он не справлялся со своими обязанностями. Он был плохим отцом.

В свои восемнадцать он обладал острым самолюбием и привычкой ставить себя в центр мира. Относительно Гуай-цзая он долго не мог разобраться в своих чувствах — у него никогда не было детей, и слово «отеческая нежность» казалось ему чем-то бесконечно далёким. Но сейчас его захлестнул такой первобытный ужас, словно чья-то невидимая рука сдавила горло, лишая кислорода.

Стоило ему представить, что Гуай-цзая могло... не стать, как он чувствовал, что готов сойти с ума и пойти на любое безумство.

Фан Цзычэнь глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Когда резь в глазах немного утихла, он коснулся пухлой щеки сына и спросил:

— Гуай-цзай, а откуда ты узнал, что за эту козявку дают деньги? Кто тебе сказал?

Малыш снова осторожно глянул на Чжао-гэра. Тот подошёл ближе и присел перед ним вместе с мужем. Его голос звучал уже спокойно:

— Прости меня, папа был неправ. Не надо было на тебя кричать.

От ласкового тона плотину прорвало — по щекам ребёнка покатались крупные слёзы. Чжао-гэр принялся вытирать их, нежно уговаривая:

— Расскажи нам, пожалуйста.

Он с самого рождения был при нём, не отходил ни на шаг. Откуда ему знать о ценности многоножек? Чжоу-гэр или тётушка Лю никогда бы не стали обсуждать такое при ребёнке. Тут явно было что-то нечисто.

Малыш всхлипнул, шмыгая носом:

— Это... это Ма-сталуха мне сказяла.

Раньше он называл соседку «бабушкой Ма», но Фан Цзычэню это не понравилось, и он велел сыну называть её просто «Ма-старухой». Гуай-цзай запомнил это крепко-накрепко.

— Она сказяла, что лазносчик собилает таких жучков, чтобы настаивать на вине. За одного дают девять взней! Девять взней — это очень много. Гуай-цзай хотел заляботать, пошёл на голу искать. Долго-долго искал, пелевельнул много камней и гнилых деявяшек... и нашёл одного.

— Кроха обиженно добавил: — Папа, не лугай больше Гуай-цзая.

Он часто ходил с Чжао-гэром в горы за хворостом и видел многоножек раньше. Но тогда он не знал, что они стоят денег. К тому же у них было столько ножек, они так быстро бегали... Папа говорил, что они кусаются и трогать их нельзя, поэтому Гуай-цзай всегда был послушным мальчиком и обходил их стороной.

Но когда Старшая госпожа Ма проговорила о деньгах, его глаза загорелись, а сердечко застучало быстро-быстро. Он знал, где их много. Знал, что многоножки любят тёмные, влажные места: гнилую древесину, щели под камнями и заросшие бурьяном низины.

Он не боялся идти в горы один. Раз жучки кусаются, он не будет брать их руками, а воспользуется палочкой.

Малыш планировал наловить побольше, припрятать, а когда придёт разносчик — продать их и устроить отцу с папой настоящий сюрприз.

Что ж... Сюрприз и впрямь удался.

<http://bllate.org/book/15357/1436864>